

Религиоведение. 2023. № 3. С. 139–149.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 3. P. 139–149.

DOI: 10.22250/20728662_2023_3_139

Мухаметзарипов И.А.¹, Гафиятуллина И.Р.²

^{1,2} Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан

^{1,2} 420111, Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36а

¹ muhametzaripov@mail.ru; ² gafiyatulla13@gmail.com

Нормативно-институциональные предпочтения мусульман Дагестана и Татарстана: брачно-семейные и наследственные отношения

Аннотация. Выполнение верующими религиозных норм определяется множеством внутренних и внешних факторов: особенности личности, воспитание, этническая принадлежность, внешние обстоятельства, влияние группы, общества, государства. Хотя в современной России в целом наблюдается снижение значимости религиозных предписаний в повседневной жизни, в ряде регионов на верующих оказывают влияние местные культурные особенности. Результаты проведённого исследования мусульман Татарстана и Дагестана говорят о том, что монорелигиозная среда с преобладанием сельского населения, существующая на Северном Кавказе, способствует сохранению традиционных патрицентристских моделей поведения среди верующих разных этнических групп, а урбанизированный многоконфессиональный социум в Поволжье формирует более секулярные паттерны. Сообщества верующих в республиках немонолитны: многие женщины стремятся к равноправию с мужчинами, тогда как часть последних старается сохранить те преимущества, которые предоставляет религиозная нормативная система, причём гендерные противоречия сильнее проявляются в Дагестане, чем в Татарстане. Выбор респондентов в пользу соблюдения религиозных норм или отказа от них в определённых ситуациях может объясняться соображениями выгоды: материальная прибыль, повышение статуса, максимизация прав при минимизации обязанностей. Среди женщин положительный взгляд на эгалитарные отношения и отрицательное восприятие многожёнства соседствует с представлениями об обязательном брачном даре жениха, тогда как среди мужчин склонность к патриархальному распределению ролей в семье и получению большей доли при наследовании сочетается с отношением к брачному дару как к необязательной норме.

И.А. Мухаметзарипов

И.Р. Гафиятуллина

Ключевые слова: ислам, шариат, религиозные нормы, традиции, мусульмане, Татарстан, Дагестан

Ilshat A. Mukhametzaripov¹, Ilmira R. Gafiyatullina²

^{1,2} Center of Islamic Studies of Tatarstan Academy of Sciences

^{1,2} 36a Levo-Bulatchnaya str., Kazan, 420111, Russia

¹ muhametzaripov@mail.ru; ² gafiyatulla13@gmail.com

Normative and Institutional Preferences of Muslims of Dagestan and Tatarstan: Matrimonial and Inheritance Relations

Abstract. The adherence of believers to religious norms is determined by many internal and external factors: personality traits, upbringing, ethnicity, circumstances of the situation, the influence of the group, society, state. Although in modern Russian society in general there is a decrease in the importance of religious prescriptions in everyday life, in a number of regions believers are influenced by local cultural characteristics. The results of the study of Muslims in Tatarstan and Dagestan suggest that the mono-religious environment with a predominance of the rural population that exists in the North Caucasus contributes to the preservation of traditional patricentric behavior patterns among believers of different ethnic groups, while the urbanized multi-confessional society in the Volga region forms more secular patterns. Communities of believers in the republics are not monolithic: many women strive for equality with men, while a certain part of the latter tries to preserve the advantages that the religious normative system provides, and gender contradictions are more pronounced in Dagestan than in Tatarstan. Respondents' choice in favor of religious norms or rejection of them in certain situations may be determined by potential acquisitions: material gain, raise of the status, maximization of rights and minimizing obligations. Among women, a positive view of egalitarian relationships

and a negative perception of polygamy is combined with the obligation of the marriage gift of the groom as a condition for creating a family, while among men, the propensity for patriarchal distribution of roles in the family and receiving a larger share in inheritance is combined with an attitude towards the marriage gift as an optional norm.

Key words: Islam, Sharia, religious norms, traditions, Muslims, Tatarstan, Dagestan

Введение

Нормативные предпочтения и модели поведения мусульман в условиях секулярного российского государства подвержены существенным трансформациям и могут различаться в зависимости от этнокультурной составляющей и гендерной принадлежности. Для выявления указанных особенностей в августе-ноябре 2022 г. при помощи метода «снежного кома» нами было проведено анкетирование 310 мусульман Татарстана и Дагестана¹. Анкеты распространялись как лично, так и дистанционно, с использованием электронной формы Google, а в качестве респондентов были отобраны практикующие мусульмане, преимущественно в возрасте от 18 до 35 лет. Инструментарий включал два блока вопросов: 1) отношение к религиозным нормам в брачно-семейной и наследственной сферах; 2) выбор религиозных институтов для урегулирования конфликтов. Была выдвинута гипотеза, что в Дагестане мусульмане придерживаются патриархальных традиций и обращаются к традиционным институтам, тогда как взгляды верующих Татарстана варьируются между патриархальными и эгалитарными установками, а традиционные институты востребованы меньше. В представленной статье содержатся итоги анализа первого блока вопросов анкеты, результаты второй части будут изложены в следующей публикации.

1. Социально-экономические и культурные характеристики регионов

Два региона сильно отличаются по соотношению городского и сельского населения, демографическим показателям. По данным Всероссийской переписи населения, в 2020 г. в Дагестане проживало 3 182 054 чел., из них 45,2% в городах, 54,8% в сёлах. В Татарстане население насчитывало 4 004 809 чел., из которых 76,8% – в городах, 23,2% – в сельской местности. Молодёжи в возрасте от 14 до 35 лет в Дагестане больше, чем в Татарстане: 1 118 946 чел. и 1 088 811 чел. соответственно. Если средний возраст населения в Дагестане 32,5 лет, то в Татарстане – 40,3 года. Естественный прирост населения в Дагестане составил 21 335 чел., а в Татарстане данный показатель оказался отрицательным – 6992 чел.

Существенно различаются и некоторые социально-экономические показатели. Так, по уровню месячных доходов в 2021 г. Дагестан находился на 49 месте по России, а 11,6% населения в 2022 г. были безработными. Татарстан же по уровню заработной платы занял 17 место, под категорию безработных подпало только 2,2% работоспособного населения. По итогам переписи 2020 г. квалифицированных кадров больше в Татарстане. Кадров высшей квалификации в республике насчитывается 40 574 чел., лиц с высшим образованием – 833 742, со средним профессиональным – 1 280 182, тогда как в Дагестане кадров высшей квалификации 19 391, лиц с высшим образованием – 339 244, со средним профессиональным – 372 950 чел. Как видим, в Дагестане население моложе, наблюдается его рост, при этом ниже уровень доходов и меньше лиц со средним, высшим и послевузовским образованием, тогда как в Татарстане население стареет, но социально-экономические показатели выше.

В отличие от Татарстана, где татары, исторически относящиеся к мусульманам-суннитам, составляют 52,2% населения, а традиционно исповедующие православие русские – 39,3%, в Дагестане русские составляют лишь 3,2%, а наиболее крупные этнические группы (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы, азербайджанцы, чеченцы) исторически исповедуют ислам. В этом плане Татарстан является поликонфессиональным регионом, тогда как многонациональный Дагестан монорелигиозен.

По опросам 2011–2012 гг. в Татарстане верующими себя назвали около 84% татар-горожан и примерно 91% селян, половина из которых старались соблюдать религиозные предписания, но доля строго выполняющих все предписания ислама

была невелика – 6–8 %. Готовность татар принять человека другой национальности в качестве коллеги, соседа, близкого друга выросла в 1994–2012 гг. с 50–70% до 92%, на 15–16% уменьшилась межэтническая дистанция и более чем в 1,5–2 раза – межрелигиозная. Около 80–90% татар-мусульман считали близкими в культурном плане православных русских. Уровень доверия татар к русским составлял в 2011 г. 90%, высокий уровень доверия был зафиксирован и у практикующих верующих [Мусина, Хайруллина, 2015, 85–87]. Отметим, что около 20-30% браков в Татарстане с начала 1990-х гг. являются межнациональными, преимущественно заключаемыми между татарами и русскими.

По итогам анкетирования мусульман Татарстана в 2014–2016 гг. было выявлено, что для большинства важную роль играет индивидуально-личностная идентичность, а основная масса демонстрирует ориентацию на доминирование светских норм в общественном пространстве. Так, почти 70% опрошенных считали, что женщина должна иметь возможность реализовываться во всех сферах общественной жизни, отрицательный ответ дали только 8%, 40% отнесли к смене религии безразлично. Однозначными сторонниками светского законодательства среди мусульман являлись около 69% и лишь 10% высказались о необходимости максимального регулирования общественной жизни посредством религиозных норм [Мухаметзарипов, 2017, 135–158].

Согласно проведённому нами в 2020–2021 гг. исследованию, значительная часть опрошенных мусульман Татарстана продемонстрировала по ряду вопросов солидарность с христианами и «нерелигиозными» респондентами: неодобрительное отношение к многожёнству, необязательность брачного дара, разделение супругами семейных обязанностей. В то же время для приверженцев ислама оказались важны: исповедание единой веры с будущим супругом, заключение религиозного брака с одновременной регистрацией в органах ЗАГС, прекращение брака по религиозной процедуре, распределение ролей в семье по договорённости с супругом [Мухаметзарипов, Гафиятуллина, 2022, 159–168].

В Дагестане ислам является важным элементом самоидентичности большей части населения, но общество также подвержено изменениям. Как отмечают дагестанские исследователи, существовавшие в дореволюционном Дагестане патриархальные традиции (преимущество мужчин перед женщинами в общественно-политической, брачно-семейной и наследственной сферах; приоритет родовых интересов над личными) не исчезли полностью в период советской модернизации, а в 1990–2010-х гг. вновь широко распространились благодаря активности религиозных деятелей в условиях недостаточной реализации светского права и экономических проблем. В настоящий момент происходят сложные процессы трансформации, в особенности в сфере гендерных отношений, сопровождающиеся конфликтами в обществе, столкновением традиции (сельского коллективизма) и модерна (городского индивидуализма), распространением среди части населения архаических норм в результате искажённого понимания адата и шариата (ранние браки, многожёнство и др.) [Алимова, 2011, 48–52].

Данные опросов городского населения Дагестана 2014 и 2020 гг. показывают, что среди опрошенных преобладают мусульмане (76,5–80,6%), остальные – колеблющиеся (не относящие себя к конкретной религии), неверующие (незначительная часть), представители других религий, хотя только 1/3 опрошенных заявила о соблюдении всех религиозных предписаний и обрядов [Шахбанова, 2021, 232, 235]. В отношении межрелигиозных браков в республике преобладает установка, что переход немусульманина в ислам является важным условием для вступления в брак. Положительное восприятие межличностного контакта респонденты демонстрируют во всех социальных сферах кроме брачно-семейной: межрелигиозный брак допускает 1/3 горожан, но 57,7% горожан и селян отрицательно относятся к подобным бракам. Это соотношение существенно не изменялось в 2014–2020 гг. [Шахбанова, Гимбатова, 2021, 127, 130–131].

Влияние ислама проявляется в вопросах регистрации брака и распределения обязанностей между супругами. В 2011 г. отмечалось, что в Дагестане из исследованного числа фактических брачных отношений 96% лиц состоят в браке по шариату, т.е. они отдают предпочтение религиозному браку без регистрации в органах

ЗАГС [Гаджиалиева, 2011, 41–42]. Изучение восприятия сожительства в 2021 г. показало, что положительно к отношениям без регистрации в ЗАГСе или заключения религиозного брака относится лишь небольшая часть населения (16,8%), в основном колеблющиеся из числа молодых мужчин. Большая часть населения (44,8%) считает мусульманский брак альтернативой государственной регистрации и не рассматривает такую форму отношений как сожительство, а верующие даже оценивают его выше [Загирова, Нурилова, Шихалиева, 2022, 40–41]. По данным 2021 г., 65,9% опрошенных дагестанцев главой семьи считают мужчину (69,3% мужчин, 63,4% женщин; 68,2% верующих, 47,4% неверующих), 16,2% выступают за равноправие в семье (12,6% мужчин, 18,8% женщин; 38,5% колеблющихся, 15,1% верующих, 10,5% неверующих). Лишь 5,3% указали на главенствующую роль женщины в семье (5,6% мужчин, 5,1% женщин; 26,3% неверующих, 38,5% колеблющихся) [Загирова, 2022б, 230–231].

Оживлённые дискуссии в Дагестане ведутся вокруг прав женщин и проблемы многожёнства. Около 76% респондентов согласно опросу 2015 г. отметили нарушения прав женщин, при этом за равенство выступили 40%, отрицают равенство мужчин и женщин 40%, а 20% считают возможным лишь частичное равенство [Сиражудинова, 2015, 56–58]. Согласно мнению респондентов по опросам 2017–2018 гг. на отношение к женщине в Дагестане влияют: религия (37,0%), традиции (36,5%), закон (31,3%) [Сиражудинова, 2021, 63].

Данные анкетирования 2021 г. показывают, что 73,6% опрошенных дагестанских женщин не приемлют лично для себя статус второй жены, причём среди верующих больше (45,1%), чем среди колеблющихся (26,3%) и неверующих (38,5%). При этом 15,4% женщин затруднились при выборе ответа, а активные верующие толерантно отнеслись к многожёнству. Мужчины демонстрируют иные стили семейно-брачного поведения: 14,9% готовы иметь вторую жену, обосновывая это исламом, 8,8% решаться на этот шаг в случае бездетности первой супруги, 9,3% руководствуются чувством любви [Загирова, 2022а, 452–455].

О примерах многожёнства среди своих близких родственников знают 22,5% опрошенных дагестанцев (37,4% женщин и 1,9% мужчин) [Загирова, 2022б, 233]. Сравнительный анализ результатов социологических опросов 2016 и 2021 гг. показывает почти двухкратное увеличение случаев позитивного отношения к многожёнству в Дагестане, хотя большинство жителей всё равно настроены по отношению к данному явлению негативно, так как оно способствует разрушению семьи, является архаизмом и проявлением безнравственности. В особенности к такому мнению склоняются молодые женщины до 29 лет с высшим образованием. К сожалению, по опубликованным Э.М. Загировой количественным данным невозможно установить, как соотносятся доли сторонников и противников многожёнства в общей 100% массе опрошенных, поскольку, по всей видимости, респонденты выбирали несколько вариантов ответов на вопрос «Как Вы относитесь к многожёнству?», поэтому при сложении результатов в процентном выражении за 2016 г. получается 138,8%, за 2021 г. – 158,7% [Загирова, 2021, 204]. Аналогичная проблема с данными в публикации итогов исследования 2021 г., проведённого А.В. Верещагиной и Э.М. Загировой – итоговый процент после сложения ответов составляет 117,1% [Верещагина, Загирова, 2022, 121]. Тем не менее, можно сделать вывод: многожёнство относительно широко представлено в Дагестане в сравнении с российскими регионами за пределами Северного Кавказа и количество одобряющих многожёнство, особенно в среде практикующих верующих, остаётся значительным, несмотря на превалирование негативного отношения среди населения в целом.

2. Вступление в брак и расторжение брака

Для выявления степени важности следования религиозным предписаниям для современных мусульман двух регионов нами задавался вопрос о форме брака и соблюдении религиозной процедуры прекращения брака. Предполагается, что если для опрашиваемых важно вступление в брачный союз и его расторжение согласно религиозным нормам, то можно говорить о большем влиянии религии на поведение респондентов и их ближайшего окружения в сфере брачно-семейных отношений. Если же расторжение союза, оформленного по религиозным правилам, происходит

без соблюдения канонов религии, то можно говорить о соблюдении религиозного обряда как части брачной церемонии, совершаемой в силу традиции под влиянием близких («все так делают») или во избежание осуждения со стороны окружения («перед людьми неудобно»), а предписания религии не имеют глубокого укоренения в сознании брачующихся.

При ответе на вопрос о форме заключения брака практически никто из мусульманок не выбрал брак в форме простого сожительства (табл. 1). Большинство респонденток в обеих республиках предпочитают сочетать религиозный брак с регистрацией семейного союза в органах ЗАГС, однако при этом часть дагестанок выбирала только обряд религиозного брака, тогда как среди жительниц Татарстана такой вариант устроил незначительную группу опрошенных. Примечательно, что некоторые мусульманки Татарстана выбирали регистрацию брака только в органах ЗАГС, представительницами Дагестана же такой вариант не выбирался.

Среди мужчин влияние традиций также заметно. Лишь небольшую часть респондентов-мусульман устраивает вариант простого сожительства, причём этот вариант более приемлем для Татарстана, нежели для Дагестана. В Татарстане же среди верующих значительная часть выбрала вариант с регистрацией брака только в органах ЗАГС. Большинство опрошенных мужчин в обеих республиках стремятся заключать религиозный брак с одновременной государственной регистрацией союза, однако в Дагестане довольно много мужчин выбрало вариант религиозного брака без регистрации. По данному вопросу очевидны противоречия в устремлениях полов. Среди женщин правильным считается государственная регистрация мусульманского брака, тогда как для значительной части мужчин достаточно и религиозного обряда без оформления в органах ЗАГС. Тем не менее, в целом можно говорить о существовании российской традиции, сочетающей религиозную и светскую формы брака, причём она на данный момент чуть сильнее выражена у татарстанских респондентов.

Таблица 1. «Как Вы считаете, в какой форме следует заключать брак?» (%)

Пол	Регион	Простое сожительство	Только религиозный брак	Религиозный брак с регистрацией в органах ЗАГС	Регистрация только в органах ЗАГС
Жен.	Дагестан	0	15	85	0
	Татарстан	1	4	90	5
Муж.	Дагестан	5	34	60	1
	Татарстан	13	9	66	12

Прекращение брака согласно религиозной процедуре считают обязательным практически все дагестанцы (табл. 2). Лишь незначительная часть допускает расторжение брака в ином порядке (через орган ЗАГС или суд, прекращение сожительства). Среди татарстанских мусульман ответы разделились: для большинства важно соблюдение религиозной процедуры, однако значительная часть считает возможным расторжение брака без соблюдения религиозных процедур (мужчины выбирали последний вариант чаще, чем женщины). Как видим, у дагестанских респондентов следование религиозным предписаниям в этом вопросе выражено сильнее, чем у татарстанских, что связано как с особенностями семейного воспитания, так и с влиянием монорелигиозного этнического окружения, осуждающего несоблюдение мусульманских предписаний. Расторжение брака согласно религиозной процедуре в таких условиях важно как для вступления в последующий брак, так и для удовлетворения ожиданий единоверцев, соблюдения норм нравственности, поддержания устоявшегося порядка.

Таблица 2. «В случае прекращения религиозного брака, следует ли его расторгнуть по религиозной процедуре?» (%)

Пол	Регион	Да, религиозная процедура обязательна в любом случае	Нет, достаточно расторгнуть брак в ином порядке (ЗАГС, суд, прекращение сожительства)
Жен.	Дагестан	97	3
	Татарстан	80	20
Муж.	Дагестан	95	5
	Татарстан	63	37

Отношение к многожёнству показало серьёзные региональные различия в традициях и в интерпретации религиозных норм ислама. Например, в Дагестане большинство мусульманок полностью одобрили многожёнство, часть отнеслась к нему нейтрально, и лишь небольшая группа не одобрила данную форму брака. Татарстанские же мусульманки полностью или скорее одобрили многожёнство лишь в 14% анкет, нейтральное отношение выразили 20% ответивших, а большинство не одобрило многожёнство. Среди мужчин Дагестана одобрили полигинию 70%, нейтральное отношение высказали 24% респондентов, не одобрили лишь 6%. Ответы мужчин Татарстана оказались иными: одобрили 28%, нейтральное отношение высказали 34%, не одобрили – 38%. Таким образом, в отношении многожёнства к настоящему моменту можно говорить о расхождении традиций между мусульманами Татарстана и Дагестана: в Поволжье у верующих отношение к подобным бракам скорее отрицательное, тогда как в Дагестане – положительное. Даже если респонденты не рассматривают данную форму брака как подходящую лично для них, относительная распространённость таких семейных союзов в местном социуме формирует более терпимое отношение к многожёнству (табл. 3).

Таблица 3. «Как Вы относитесь к многожёнству?» (%)

Пол	Регион	Полностью одобряю	Скорее одобряю	Нейтрально, это личное дело людей	Скорее не одобряю	Совершенно не одобряю
Жен.	Дагестан	66	0	26	2	6
	Татарстан	6	8	20	22	44
Муж.	Дагестан	67	3	24	1	5
	Татарстан	22	6	34	12	26

Следует учитывать, что респонденты-мусульмане Дагестана и Татарстана отвечали на вопрос об их отношении к многожёнству как к явлению в целом. Выбор вариантов ответов респондентами в таком случае зависит от: 1) наблюдаемых в общественном пространстве практик; 2) влияния окружения и социальных установок; 3) информационного фона вокруг социального явления; 4) индивидуальной интерпретации религиозных норм. Представления о многожёнстве и реалии полигамного брака в конкретном окружении могут различаться. Респонденты, выбирая варианты о положительном или нейтральном отношении к многожёнству, могут делать это либо по причине идеализации полигамных браков, либо из-за отношения к ним как к допустимым формам брака при соблюдении всех религиозных предписаний, или как к модели брака, неприемлемой лично для респондента, но дозволенной религией и потому оцениваемой нейтрально.

По шариату мужчина-мусульманин имеет право вступить в брак с мусульманкой, христианкой или иудейкой, тогда как мусульманка может выйти замуж только за мусульманина. Ответы респондентов продемонстрировали региональные различия. Значительная часть респонденток в Татарстане готова вступить в брак, руководствуясь не вероисповеданием будущего супруга, а его личными качествами. Для дагестанок же абсолютной ценностью оказалось вероисповедание человека. Такие же различия в ответах мужчин: для значительного числа татарстанцев отношение будущей супруги к религии неважно, главное – её добрый нрав. У 89% да-

гестанских респондентов единое вероисповедание играет решающую роль. Небольшая доля респондентов считает возможным выбрать супругу-немусульманку, если она подходит жениху по характеру (табл. 4).

Таблица 4. «Важно ли для Вас, чтобы супруг/а придерживался/ась одной с Вами религии?» (%)

Пол	Регион	Да, это обязательно	Не обязательно одной религии, главное, чтобы был/а верующим/ей	Главное, чтобы человек был хороший, отношение к религии не важно
Жен.	Дагестан	100	0	0
	Татарстан	76	1	23
Муж.	Дагестан	89	5	6
	Татарстан	56	9	35

Вопрос о брачном даре невесте или родителям (т.е. махре и калыме) показал различия как регионального, так и гендерного характера. Ответы мужчин и женщин в Татарстане распределились примерно одинаково: чуть больше половины рассматривают такого рода подарки как доказательство намерений жениха, однако значительная часть считает необходимым учитывать финансовое положение жениха, а некоторые (чаще мужчины) вообще не рассматривают данную брачную норму как актуальную для современного общества (табл. 5).

Таблица 5. «Следует ли жениху при вступлении в брак предоставлять какое-либо имущество/денежные средства невесте или её родителям» (%)

Пол	Регион	Да, в любых случаях, это доказательство намерений жениха	Всё зависит от финансовых возможностей жениха	Не следует, времена изменились
Жен.	Дагестан	61	39	0
	Татарстан	55	33	12
Муж.	Дагестан	38	53	9
	Татарстан	51	27	22

В Дагестане же мусульманки выбирали только два варианта: 1) подарок – это обязанность жениха и доказательство его намерений, 2) предоставление подарка зависит от финансовых возможностей жениха. Интересно, что большинство мужчин выбрало вариант «всё зависит от финансовых возможностей жениха», хотя существенная часть всё равно выступает за сохранение традиции. Как видим, дагестанские мужчины оценивают данную брачную норму по-другому, нежели женщины, поскольку именно от них зависит выполнение данной обязанности, хотя часть женщин готова учесть финансовые затруднения своих будущих избранников. Мы можем говорить об изменении отношения к традиционным нормам, по крайней мере, о стремлении к их изменению. Как правило, больше всего желает изменить традицию та сторона, которая, по её мнению, находится в уязвимом положении. В данном случае такие устремления фиксируются среди мужчин, для которых в текущих социально-экономических условиях региона часть традиций может быть обременительной.

3. Права и обязанности супругов

Следующий вопрос касался распределения прав и обязанностей в семье. Предлагалось выбрать между четырьмя моделями взаимоотношений: 1) эгалитарная, 2) договорная, 3) традиционная: а) «справедливая» патриархальная, б) «несправедливая» патриархальная. «Справедливые» патриархальные отношения были описаны как «муж имеет больше прав и больше обязанностей», а «несправедливые» – «один из супругов имеет меньше прав и больше обязанностей».

Вопрос о распределении прав и обязанностей между супругами показал существенные различия в предпочтениях респондентов в зависимости от пола и ре-

гиона проживания. Например, подавляющее большинство мусульманок Дагестана предпочли равенство прав и обязанностей в семье, тогда как мусульмане республики выбрали традиционную модель – у мужчины должно быть больше прав и больше обязанностей, и лишь малая часть мужчин предпочла равенство прав и обязанностей и распределение обязанностей по договорённости между супругами. Отметим, что среди дагестанок только небольшая группа выбрала традиционную модель или вариант с договорённостями между мужем и женой (табл. 6).

Таблица 6. «Как должны распределяться права и обязанности супругов в семье?» (%)

Пол	Регион	Права и обязанности должны быть равными	Права и обязанности распределяются по договорённости между супругами	У мужа должно быть больше прав и больше обязанностей	У одного из супругов может быть меньше прав и больше обязанностей
Жен.	Дагестан	87	11	1	1
	Татарстан	29	59	12	0
Муж.	Дагестан	9	14	76	1
	Татарстан	32	39	24	5

В Татарстане ответы мужчин и женщин оказались более разнообразными. Традиционную «справедливую» модель выбрала меньшая часть женщин и мужчин, хотя среди мужчин выборов в пользу данного варианта было в два раза больше. Примечательно, что мусульманки Татарстана, в отличие от респонденток Дагестана, в большинстве выбрали формат договорённостей с супругом. Среди респондентов-мужчин приверженцев распределения ролей по договорённости оказалось 39%, сторонников равенства прав и обязанностей – 32%. «Несправедливую» модель отношений выбрала незначительная часть респондентов, причём преимущественно мужчины, а не женщины.

Различия между респондентами двух регионов могут объясняться более свободным отношением к традиционным нормам в мусульманском сообществе Татарстана, допускающем различные варианты. Находясь в урбанизированной среде с преобладанием эгалитарных установок, нуклеарных семей и слабого или отсутствующего контроля со стороны окружающих (старшего поколения, родственников), некоторые татарстанки могут позволить себе добровольно отказаться от части возможностей, предоставляемых светским обществом, и руководствоваться шариатом, но в случае необходимости они сохраняют за собой возможность изменить модель поведения, что в итоге формирует гибкую систему отношений в семье. В Дагестане же гендерные роли распределены более строго, в результате женщины стремятся к выравниванию статусов, что и отражается в ответах. В итоге предпочтения татарстанских мусульман разных полов сближаются, а между мужчинами и женщинами Дагестана заметно разделение на сторонников равноправия и патриархальной традиции.

4. Ситуация выбора: раздел наследства

Ситуация раздела наследства также продемонстрировала региональные и гендерные различия. Респондентам было предложено решить следующую гипотетическую ситуацию: «После смерти родителей брат и сестра делят наследственное имущество. Как, по Вашему мнению, должно быть распределено наследство?», выбрав из четырёх вариантов: 1) «Большую долю должен получить брат»; 2) «Большую долю должен получить тот, кто заботился о родителях»; 3) «Большую долю должна получить сестра»; 4) «Оба должны получить равные доли, вне зависимости от пола».

В Дагестане мусульманки в большинстве выбрали вариант с равным распределением долей вне зависимости от пола, а вариант «большую долю получает тот, кто заботился о родителях» предпочла лишь 1/5 часть мусульманок. Предоставить большую долю брату оказалась готова лишь незначительная доля респонденток. Между тем большинство респондентов-мусульман Дагестана полагают правильным

предоставление большей доли мужчине, чуть более 1/10 предпочли дать большую долю наследнику, заботившемуся о родителях, и менее 1/10 решили распределить наследство в равных долях вне зависимости от пола.

Ответы мусульман в Татарстане более разнообразные: больше половины женщин считают необходимым учесть заботу о родителях, 27% полагают правильным разделить наследство поровну и только 1/5 мусульманок предоставила бы большую долю брату. Мужчины примерно в 1/3 анкет выбрали равное распределение долей, в пользу брата высказалось более 1/3, а 23% посчитали, что большую долю следует предоставить наследнику, присматривавшему за родителями. К последней группе, по всей видимости, следует отнести также небольшую группу тех, кто решил передать большую долю сестре, так как считается, что дочери больше присматривают за родителями, нежели сыновья (табл. 7).

Таблица 7. Представьте ситуацию: после смерти родителей брат и сестра делят наследственное имущество. Как, по Вашему мнению, должно быть распределено наследство? (%)

Пол	Регион	Большую долю должен получить брат	Большую долю должен получить тот, кто заботился о родителях	Большую долю должна получить сестра	Оба должны получить равные доли, вне зависимости от пола
Жен.	Дагестан	1	18	0	81
	Татарстан	20	53	0	27
Муж.	Дагестан	78	13	0	9
	Татарстан	36	23	5	36

Заключение

В Татарстане поликультурная и поликонфессиональная среда, сформировавшаяся в результате долгого соседства двух крупных этнорелигиозных групп (татар-мусульман и русских-православных), а также увеличения в советский период среди представителей указанных этнических групп носителей нерелигиозного, светского мировоззрения, приводит к существенному изменению восприятия норм ислама верующими в сторону взглядов, отражающих отечественные модернизационные процессы XX в. (парный брак, эгалитарная семья, равноправие женщин), что в итоге влияет на формирование сходных предпочтений у мужчин и женщин. В Дагестане поликультурная в этническом плане, но монорелигиозная среда (большая часть населения относит себя к исламу, ислам является важной частью культур проживающих в Дагестане этнических групп) более способствует сохранению традиционного восприятия моделей поведения среди верующих разных этнических групп, однако социально-экономические и политико-правовые изменения (секуляризация, урбанизация, повышение уровня образования, российское правовое поле) могут приводить к существенным расхождениям во взглядах, в особенности между мужчинами и женщинами. Гендерная принадлежность верующих, проживающих в социуме с конкурирующими нормативными порядками (светское законодательство, религиозные нормы, этнические обычаи), обуславливает те или иные предпочтения при выборе моделей поведения, при этом выбор конкретных норм определяется обстоятельствами ситуации, оценкой вероятных последствий, затрат и приобретений.

Одна лишь мусульманская идентичность не может свидетельствовать о том, что нормативная система ислама реализуется во всех сферах жизни и во всех ситуациях. Приверженность патриархальной традиции также не говорит о том, что человек будет соблюдать все её положения при любых обстоятельствах, равно как и приверженность к эгалитарным отношениям не препятствует обращению к нормам традиционного характера в случае выгоды. Под выгодой в данном случае мы понимаем не только получение материальных преимуществ, укрепление социальных связей и повышение статуса, но и максимизацию прав при минимизации обязанностей в случае, если социальная среда и ситуация позволяют. В таком случае становятся понятными ответы респондентов, казалась бы, противоречащие традиционной модели поведения в восприятии сторонних наблюдателей, когда приверженность тра-

диции в одной сфере должна автоматически означать следование ей в других областях. Например, стремление женщин к эгалитарным отношениям с одновременным восприятием брачного дара как обязанности жениха; предпочтение мужчинами патриархальных отношений с отнесением брачного дара к обязанностям, выполнение которых зависит от возможностей жениха (т.е. в целом необязательного).

Библиографический список

1. Алимова, Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы / Б.М. Алимова // Вестник Института ИАЭ. – 2011. – № 1. – С. 48–52.
2. Верецагина, А.В. Многожёнство в Дагестане в оптике общественного мнения / А.В. Верецагина, Э.М. Загирова // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 117–128.
3. Гаджиалиева, Н.Ш. Проблемы регулирования наследственных отношений в Российской Федерации (по материалам Республики Дагестан) / Н.Ш. Гаджиалиева // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 37–43.
4. Загирова, Э.М. Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана) / Э.М. Загирова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2022. – № 1. – Ч. 3. – С. 448–456.
5. Загирова, Э.М. Институт полигамии и гендерная оценка модели брачного поведения / Э.М. Загирова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 229–233.
6. Загирова, Э.М. Гражданский брак: отношение и оценка (на примере Дагестана) / Э.М. Загирова, А.З. Нурилова, Д.С. Шихалиева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 39–42.
7. Загирова, Э.М. Общественное мнение об институте многожёнства (на примере Дагестана) / Э.М. Загирова // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. – 2021. – № 2. – С. 201–206.
8. Мусина, Р.Н. Особенности этноконфессиональной ситуации в постсоветском Татарстане / Р.Н. Мусина, Н.Г. Хайруллина // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – № 4. – С. 85–87.
9. Мухаметзарипов, И.А. Религиозная идентичность мусульман Республики Татарстан (по материалам социологических исследований) / И.А. Мухаметзарипов // Гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан. Сборник научных трудов / Т.А. Титова, В.Е. Козлов, Р.Ф. Патеев. – Казань: Артефакт, 2017. – С. 135–158.
10. Мухаметзарипов, И.А., Гафиятуллина И.Р. Религиозные нормы в современном обществе на примере Татарстана / И.А. Мухаметзарипов // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 159–168.
11. Сиражудинова, С.В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа / С.В. Сиражудинова // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 1. – С. 56–67.
12. Сиражудинова, С.В. Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе / С.В. Сиражудинова // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 1. – С. 53–61.
13. Шахбанова, М.М. Религиозный компонент в семейно-брачной сфере: этносоциологическое исследование / М.М. Шахбанова, М.Б. Гимбатова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2021. – № 2 (279). – С. 122–133.
14. Шахбанова, М.М. Религиозность городского населения Дагестана (по результатам социологического опроса) / М.М. Шахбанова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 2. – С. 231–236.

Текст поступил в редакцию 09.03.2023.

Принят к печати 11.05.2023.

Опубликован 28.09.2023.

¹ В опросе приняло участие 74 жен. и 78 муж. из Дагестана, 80 жен. и 78 муж. из Татарстана, 68% респондентов в возрасте 18–35 лет, 32% – старше 35 лет. Респонденты проживают в населённых пунктах Татарстана (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Зеленодольск, Елабуга, Чистополь) и Дагестана (Махачкала, Хасавюрт, Дербент, Буйнакс, Избербаш, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт). По национальной принадлежности среди татарстанских респондентов-мусульман большинство составили татары (74%), 20% представители других народов Татарстана, 6% не указали национальную принадлежность; среди дагестанских респондентов 23% составили аварцы, 21% даргинцы, 16% кумыки, 9% лезгины, 5% лакцы, 4% табасаранцы, 3% цахуры, 2% чеченцы, 10% представители других народов Дагестана, 7% не указали национальную принадлежность.

References

1. Alimova B.M. *Vestnik Instituta IAE* [Bulletin of the Institute of IAE]. 2011, no. 1, pp. 48–52 (in Russian).
2. Vereshchagina A.V., Zagirova E.M. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2022, no. 2, pp. 117–128 (in Russian).
3. Gadzhialieva N.S. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Dagestan State University]. 2011, no. 4, pp. 37–43 (in Russian).
4. Zagirova E.M. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskustvovedenie"* [Bulletin of the Russian State University. The series "Philosophy. Sociology. Art criticism"]. 2022, no. 1, part 3, pp. 448–56 (in Russian).
5. Zagirova E.M. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. 2022, no. 1, pp. 229–233 (in Russian).
6. Zagirova E.M., Nurilova A.Z., Shikhalieva D.S. *Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2022, no. 1, pp. 39–42 (in Russian).
7. Zagirova E.M. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. 2021, no. 2, pp. 201–206 (in Russian).
8. Musina R.N., Khairullina N.G. *Izvestiya vysshix uchebn'x zavedenij. Sociologiya. E'konomika. Politika* [Izvestia of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics]. 2015, no. 4, pp. 85–87 (in Russian).
9. Mukhametzaripov I.A. *Garmonizaciya mezhe'mnicheskix i mezhekfessional'ny'x otnoshenij v Respublike Tatarstan. Sbornik nauchny'x trudov* [Harmonization of interethnic and interfaith relations in the Republic of Tatarstan. Collection of scientific papers]. Kazan: Artifact, 2017, pp. 135–158 (in Russian).
10. Mukhametzaripov I.A., Gafiyatullina I.R. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2022, no. 4, pp. 159–168 (in Russian).
11. Sirazhudinova S.V. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society]. 2021, no. 1, pp. 56–67 (in Russian).
12. Sirazhudinova S.V. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society]. 2015, no. 1, pp. 53–61 (in Russian).
13. Shakhbanova M.M., Gimbatova M.B. *Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya"* [Bulletin of the Adygea State University. "Regional Studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies"]. 2021, no. 2 (279), pp. 122–133 (in Russian).
14. Shakhbanova M.M. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. 2021, no. 2, pp. 23–236 (in Russian).

Submitted for publication: March 09, 2023.

Accepted for publication: May 11, 2023.

Published: September 28, 2023.